

ВВЕДЕНИЕ

Погружаясь в изучение арабского прошлого, каждому историку-арабисту доводилось удивляться витиеватости и неоднозначности жизненного пути, по которому прошли жители ближневосточного и североафриканского регионов в XVI–XX столетиях. Подобно причудливой арабеске в османском обществе переплелись судьбы семитских, тюркских, европейских и других народов, каждый из которых по-своему повлиял на ход исторического развития Арабского Востока. Согласно известной притче, особое разнообразие своей империи подчеркивал еще султан Сулейман Великолепный (1520–1566 гг.). Однажды он сравнил государство Османов с садом, в котором растут тюльпаны всех известных цветов и оттенков. Недаром именно этот цветок был избран стамбульскими падишахами в качестве одного из главных символов османской династии и на века стал эмблемой османской имперской культуры. Однако, начиная с XVIII столетия, которое современники обозначили в качестве начала упадка империи, единство арабо-османского общества, сложившееся в «золотом веке» Pax Ottomana, не раз ставилось под сомнение. История арабов предоставляет нам множество полезных в этом отношении и заслуживающих внимания примеров. Целостность государственного механизма, его наложенную и отработанную схему функционирования, разумеется, нарушила географическая удаленность центра империи по отношению к ее периферии. Но речь может (и должна) идти и о другом.

Своеобразие ближневосточных османских провинций, всегда обладавших «лица необщим выраженьем», выразилось во множе-

стве точечных аспектов — как правило, теряющихся в обобщающих работах, посвященных систематизации истории арабо-османского мира. Предлагаемая вниманию читателя книга — попытка найти в источниках, осветить и проанализировать эти аспекты. Эта далеко не тривиальная задача собрала вместе коллектив историков-арабистов, принявших участие в XV конференции арабистов ИВ РАН «Чтения И. М. Смилянской» — самом крупном и представительном в нашей стране ежегодном собрании специалистов по Ближнему Востоку и Северной Африке.

Актуальность выделенной нами проблематики очевидна. Действительно, для полноценного охвата культурных, политических, экономических особенностей каждой арабской провинции Османов, да еще на максимально возможных хронологических интервалах в 350–400 лет, необходимо было бы подготовить десятки объемных трудов, создание которых представляет собой очень сложную задачу — не только для одного исследователя, но и для большого творческого коллектива. Следует учитывать, что провинции Османской империи расположились на землях трех континентов, разнородных по сложившейся системе политического управления, по привычным чертам социально-экономического устройства, по этноконфессиональному составу населения и перипетиям культурной истории. В этой связи перед мировой османистикой и исламоведением по-прежнему стоит насущная необходимость — проведение широкого фронта разнонаправленных исследований, способных дополнить наши представления о пестрой мозаике исторического бытия арабов и мусульманского мира в Новое время. Наверное, только такой подход поможет нам продвинуться к общей цели — полному и глубокому пониманию многовековой истории арабских обществ в едином контексте арабо-османского прошлого.

При разработке концепции коллективной монографии были использованы оригинальные идеи и источниковые разработки, изложенные авторами в докладах на XV конференции арабистов. Круг затронутых в данном труде тем объединен в три тематиче-

ских блока. Первый из них посвящен общественно-экономическим особенностям традиционного Арабского Востока. В фокусе внимания авторов второго блока находятся военно-политические тенденции развития ближневосточного и североафриканского регионов. Наконец, авторы третьего блока глав анализируют самые разнообразные и опосредованно соединяющиеся между собой грани исламской веры и учености Ближнего Востока.

Специфику экономической реальности Египетского пашалыка Османской империи в XVII — первой половине XVIII в. детально исследует А. А. Куделин. Автор взял за основу исторического исследования в первую очередь финансовые и хозяйствственные критерии исторического развития ведущей страны Арабского Востока — такие как внутренняя и внешняя торговля, порядок налогообложения, манипулирование вакфами, система денежного обращения, динамика цен на рынках, номенклатура товаров. Однако осмысливает он эти стороны египетской жизни в очень широкой перспективе. Поэтому А. А. Куделин исследует интересующий его предмет на уровне междисциплинарного взаимодействия, далеко не ограничивая себя привычно понимаемыми в научном сообществе задачами экономической истории. Эта глава монографии заставляет вспомнить слова видного британского политэконома XIX столетия Дж. Р. МакКуллоха: «Экономист должен собирать материалы на обширнейшем поприще. Ему подлежит изучать человека во всех различных состояниях — соображаться с Историей Общества, Искусств, Торговли и Гражданственности, с сочинениями философов и путешественников» [МакКуллох Дж. Р., 1834, с. 18].

Сходные методологические основания ясно видны в исследовательском почерке В. Е. Смирнова. Автор справедливо рассматривает многогранную деятельность политической верхушки Египта как социальные практики. Поэтому он ставит перед собой сложный (и пока еще не имеющий полноценного решения в современной историографии) вопрос о роли неомамлюкских

«домов» в механизме властевования и управления богатейшей провинцией Османского государства. Модели расселения мамлюкских беев и их близких; особенности украшения их дворцов и их передвижения верхом; принципы рекрутирования как их самих, так и их окружения; внутренняя иерархия и набор служебных обязанностей, присущих властителям Египта, сущность политической культуры мамлюкских «домов», манера обращения беев с институтом откупа (*илтизама*), уровень образования и эрудиции, а также феномены меценатской деятельности беев — вот только несколько тем, детально реконструированных в главе В. Е. Смирнова. Гипотезы и выводы автора позволяют на новом уровне задуматься о причинах неизменных распри, заговоров, интриг и стычек, которые были характерны для политической истории Египта XVII–XVIII вв.

Иной, «метрополитанский» взгляд на постепенный упадок османского провинциального управления предлагает читателю в своей главе Т. Ю. Кобицанов. Его текст служит как бы мостом, соединяющим первые два тематических блока монографии. Широко используя арабоязычные и европейские свидетельства, автор показывает в динамике сложные и болезненные для правящих кругов Османской империи конфликты между Стамбулом и своевольными повелителями городов и деревень Анатолии — дербебяями. В главе Т. Ю. Кобицанова искусно выписаны психологические портреты «романтиков с большой дороги», помыкавших судьбами анатолийского населения и державших себя на равных с видными военачальниками и вазирами османского падишаха. Исследование Т. Ю. Кобицанова обнажает несостоятельность еще бытующего представления о том, что очагами сепаратизма и своеволия в Османском государстве были в первую очередь удаленные от Стамбула провинции. Напротив, циничное пренебрежение мнением Высокой Порты, частые вооруженные столкновения и постоянная борьба за источники дохода царили в анатолийских горах не в меньшей степени, чем на берегах Нила или Евфрата.

В политической сфере арабо-османской истории существует общепризнанный рубеж, ставший важным вызовом для целостности империи и угрозой для османизма — как политики единства османской нации. Это, бесспорно, младотурецкая революция 1908–1909 гг., организованная движением «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»). Противоречивые реакции сиро-ливанского общества на вести из революционного Стамбула стали предметом исследования Д. Р. Жантиева. Продолжая свои изыскания по общественным структурам и судьбам модернизации османской Сирии, автор аргументированно рассуждает о глубине межкультурных и цивилизационных нестыковок в картинах мира, сложившихся в сознании имперских и провинциальных элит. Как показывает Д. Р. Жантиев, восстановление во всей полноте действия конституции 1876 г. было неоднозначно воспринято жителями османской Сирии, привыкшими к почитанию султана, но не доверявшими его чиновникам. Культурные и политические противоречия между новой младотурецкой элитой и провинциальными образованными слоями «старой школы» нередко оказывались настолько сильны, что во многих случаях не позволяли выходцам из сиро-ливанских провинций найти свое место в новой политической модели Османского государства. Выводы Д. Р. Жантиева дают возможность по-новому оценить как первоначальный энтузиазм образованных кругов Большой Сирии по случаю революции (1908 г.), так и деятельную поддержку ими же консервативного движения «Ал-Хизб ал-мухаммади» (1909 г.), выступавшего в поддержку султана и законоположений шариата.

Среди глав представленной вниманию читателя монографии свое неоспоримое место занимают и результаты изысканий историков-магрибистов, предпринятые на источниковом материале Шерифской империи (Дальнего Магриба, Марокко). Эта арабская страна никогда не была частью Османской империи. Однако подход исследователей истории Магриба к протекавшим в ней общественным и политическим процессам придает новое измерение и

османским штудиям. Он расширяет подступы к интерпретации сведений, полученных из османских источников, и позволяет глубже понять диалектику общего и особенного в историческом ландшафте арабо-мусульманского мира XVI–XIX вв.

Д. В. Соловьева рассматривает в своем исследовании политическую деятельность и влияние жен султана Алаутской династии Мулай Исмаила (1672–1722 гг.). Политическая роль «женщин гарема» традиционно была в Алаутском Марокко важным фактором налаживания контактов между центром и периферией государства, основой для сотрудничества престола и могущественных племен, к которым они принадлежали. Кроме того, жены султанов своими интригами часто действовали в пользу межгрупповой солидарности и единства султанского двора. Как показывает автор, несмотря на то, что их жизнь была скрыта за стенами гарема от посторонних глаз, они могли оказывать существенное влияние на правителя, в том числе участвуя в выборе монархом наследника престола.

Несколько иной взгляд на магрибинскую альтернативу османской государственности предлагает глава В. В. Орлова. Здесь в центре авторского внимания оказались военные реформы, техническое перевооружение традиционного войска, и их воздействие на суверенитет и дипломатические связи Шерифской империи. Автор стремится провести параллели и в то же время выявить различия между преобразованиями войска, предпринятыми султаном Мулай Хасаном (1873–1894 гг.), и военными реформами других мусульманских государей. Особенно существенной, по мнению В. В. Орлова, представляется роль в марокканских военных реформах иностранных миссий, техников, инженеров и инструкторов, которые начали посещать Дальний Магриб на регулярной основе с середины XIX в. Также автор анализирует влияние военных преобразований на глубинные международно-дипломатические процессы вокруг шерифского султаната. Стоит заметить, что международный консенсус по судьбам Марокко на стыке XIX и XX вв. (особенно после

Мадридской конференции 1880 г.) имел весьма своеобразную, неповторимую окраску и все больше усложнял султанам-Алауитам маневрирование между европейскими державами.

Большой интерес для выявления специфики арабской истории в контексте османской представляет глава С. А. Кириллиной, открывающая собой третий тематический блок глав монографии. На примере выдающегося образца современной ливанской архитектуры — мечети Шакиба Арслана, построенной в местечке Мухтара (родовом селении семейства Джумблотов) в горном анклаве Шуф, — автор разносторонне рассуждает о сложности и многослойности религиозных представлений, культа и обрядности друзов, которые с эпохи Средневековья вызывали жесткое осуждение со стороны других мусульман — как суннитов, так и шиитов. С. А. Кириллина положила в основу своего исследования анализ на редкость оригинальных архитектурных деталей и дизайнерских решений, примененных проектировщиками и строителями мечети в Мухтаре. Однако она осмысливает их в многочисленных параметрах межконфессионального конфликта, а также сложной игры партий и идеологий, характерных для ливанского политического сообщества во все времена. При этом автор сознательно отходит как от основ исследовательской культуры, традиционной для арабистов-искусствоведов, так и от манеры подачи материала, свойственной современным политологическим школам. С. А. Кириллина, возможно, наиболее близко подходит к истолкованию не только реальных черт личности, но и яркого идейного наследия Шакиба Арслана в символических архитектурных и ландшафтных формах.

Глава, представленная Н. Р. Волькенштейном, наглядно демонстрирует то обстоятельство, что владение классическим арабским языком и стремление изучить мусульманское культурное наследие связывали между собой далеко не только арабов, но и жителей других частей исламского мира. Так, автор показывает, что в Медине — одном из главных центров исламского паломнического движения — мирно уживались выходцы из централь-

ных провинций Османской империи, Сирии, Египта, Магриба, Южной и Юго-Восточной Азии. Характеризуя механизмы трансляции знания в мире ислама XVII столетия, Н. Р. Волькенштейн выделяет информационно-культурное измерение изучаемой проблемы. Действительно, следует признать, что наложенная турками-османами система культурно-интеллектуального обмена позволяла укрепить единство рядов османского общества и иногда поставить ему на службу представителей других уголков *дар ал-ислама*.

Примечательно, что следующая глава, принадлежащая В. А. Матросову и М. В. Кривошеевой, представляет ту же проблему единства и раскола в новых для монографических исследований демонологических терминах. Авторы демонстрируют многочисленные примеры того, что в культурном отношении так и не увенчалось успехом стремление исламских авторов унифицировать типологизацию регионального разнообразия демонических сказочных существ в классическом арабоязычном наследии. В частности, попытки привести к единообразию классы и ранги джиннов, предпринятые Бадр ад-Дином аш-Шибли в труде «Россыпи жемчуга в учении о джиннах», слабо затрагивают обилие всевозможных демонических тварей, упоминавшихся в исламском предании. Выделение отдельной «прослойки» существ муташайтина между джиннами, шайтанами и животными также происходило почти интуитивно, при отсутствии четких критериев. В итоге, как полагают авторы, со временем все более четко заявила о себе историческая тенденция прекратить внутрикультурные разногласия по поводу тех или иных вопросов исламской демонологии, записав, к примеру, в ряды джиннов исходно коварных духов *гулей* и *си'ла*.

Разнообразие избранных тем в рамках данной коллективной монографии подчеркивает, таким образом, феноменальную сложность структуры арабо-османского общества. В то же время богатство исторического материала, извлеченного авторами из исторических источников, поражает своим изобилием, кото-

рое еще должно быть осмыслено при рассмотрении важнейших аспектов жизни Арабского Востока в османский период. Авторы и ответственные редакторы надеются на то, что данная работа способствует более глубокому пониманию исторических реалий Арабского Востока и Арабского Запада. Другая наша надежда состоит в том, что этот коллективный труд укрепит присущее российской арабистике стремление к междисциплинарности и комплексности — а это, не побоимся таких слов, главный и самый надежный код жизнеспособности нашей науки.

Пусть вдумчивый читатель, увлеченный историей арабов и мусульманского мира, пополнит изложенные здесь сведения и наблюдения об арабских государствах или обществах. Таким образом, мы сможем предложить более объективные и действенные подходы к дальнейшему рассмотрению Новой арабской истории.